

Первым читательницам, которые с самого начала верили, что все получится, — лучшей подруге Марине Липиной и моей маме Татьяне Зарецкой

Все герои вымышлены, любые совпадения случайны.

150 дней до выборов

а тот исторический момент времени, когда Веронике исполнилось 28 лет, у нее имелось два любовника.

Мужа не было ни в тот момент, ни до него. В периоды черной меланхолии, которые время от времени нападали на Веронику, ей казалось, что и после мужа у нее тоже не будет.

Отсутствие мужа Веронику огорчало, а наличие двух любовников почему-то не радовало.

Один любовник был ее бывшим соседом. То есть в начале их романа он с завидной периодичностью совершал татаро-монгольские набеги на ее жилплощадь и кавалерийские наскоки на саму Веронику. И после одного такого наезда наскоком остался сначала ночевать, а потом и насовсем, перевезя из соседней квартиры тапочки, трусики, зубную щетку, штаны и пару рубашек с пуловером.

Верхняя одежда осталась в квартире жены, потому что в Вероникины шкафы не влезала. Бывший сосед — ныне сожитель — собирался раз в сезон забегать в свои прежние владения, чтобы сменить одну куртку на другую и определиться с ботинками. Правда, его жена, ну до чего же бывают несовершенные женщины, мужниных планов на жизнь не одобрила и замки на дверях поменяла.

Второй любовник работал вместе с Вероникой. Она — корректор в газете, он — системный адми-

нистратор. Такой вот служебно-производственный роман.

Иметь двух любовников одновременно Веронике было стыдно, но отказаться от кого-нибудь из них она не могла.

Первый любовник — бывший сосед — был уныл и однообразен в постели. Сексом занимался строго раз в неделю. Позицию предпочитал миссионерскую. Прелюдий не признавал. Эмоций не выказывал. После двух-трех минут сопения издавал резкий выдох носом, из которого Вероника и делала вывод о случившемся у него оргазме. После этого он быстро и даже с некоторым изяществом в ста процентах случаев доводил до оргазма саму Веронику, используя ручной метод.

С ним было скучно, но полезно для органов малого таза. Тем более что такая жизнь с некоторой натяжкой даже походила на супружескую.

Любовник-системотехник был изобретателен, как Яндекс. В том смысле, что знал все. О сексе он думал постоянно, так что парочку раз в неделю Вероника обязательно елозила головой по каким-нибудь разложенным по столам винчестерам и материнским платам. И не головой елозила тоже. В силу разнообразия позиций.

Любовник вел себя вдохновенно, издавая в процессе соития громкие звуки, свидетельствующие о том, как ему хорошо. Заниматься с ним любовью было увлекательно и весело, вот только самой Веронике хорошо бывало редко. Скорость процессов ее системного блока сильно отставала от скорости системного блока любовника. И из-за этого она все время «висла».

Но сослуживец вносил некоторое разнообразие в ее унылую жизнь с соседом, поэтому несколько

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

раз в неделю она позволяла ему поискать у нее кнопку «Резет», несмотря на появление после этого застойных явлений в области малого таза.

За один год Вероника сделала три аборта. Во-первых, становиться отцами (сосед в очередной, а системотехник в первый раз) ее любовники вовсе не собирались. Во-вторых, она не знала точно, от кого именно беременела. Денег на аборты давали оба, так что в материальном плане это было очень даже выгодное мероприятие.

Вот только счастья не было.

В поисках счастья Вероника решила пойти учиться. В том плане, чтобы повысить свой культурный уровень и найти новых интересных людей. В довесок к своему высшему филологическому образованию она получила второе высшее по специальности инженер молокодоильных установок. Или что-то вроде этого. Училась платно, выкраивая средства из скудной корректорской зарплаты, но работать по новой специальности не стала. Затем окончила курсы по флористике, студию художественной графики и в тридцать три даже записалась в секцию синхронного плавания.

Свободного времени у нее не было совершенно, новые знакомые появлялись и исчезали, не оставляя в жизни ни малейшего следа, счастье не приходило, муж не появлялся.

В новый исторический момент времени на смену любовнику-системотехнику пришел редакционный водитель Вася. Теперь пару раз в неделю Вероника елозила головой и другими частями тела по плюшевому заднему сиденью Васиного «Шевроле-Лачетти». Как любовник Вася был слабоват, зато исправно возил Веронику с работы и на работу. Ему все равно было по дороге.

Любовник-сосед снова переехал к жене. Однажды ушел добывать в неравном бою свою зимнюю куртку и не вернулся. Потом как-то незаметно для самой Вероники из ее квартиры исчезли его тапочки, треники, зубная щетка, штаны и рубашка с пуловером.

На память остался лишь оформленный на Веронику кредит на покупку соседом «Шевроле-Лачетти». Такого же, как у Васи. Пару месяцев сосед исправно совершал татаро-монгольское нашествие на Вероникину квартиру и холодильник, кавалерийский наскок на саму Веронику, оставляя после себя приятное ощущение в органах малого таза и очередной кредитный взнос.

Потом набеги и наскоки стали происходить все реже и реже, а потом и совсем прекратились, вместе с обязательными платежами. Далее за стоящую под окном соседскую «Лачетти» Вероника рассчитывалась сама. Аборт она сделала на свои. Денег не было. Счастья тоже. Годы шли.

Рассчитавшись с чужим кредитом, Вероника отметила 35-летие. За столом сидели немногочисленные безмужние подруги. Замужних подруг Вероника давно вычеркнула из своей жизни, чтобы не завидовать чужому счастью.

Исключение составляла лишь подруга Машка, у которой были пьющий и бьющий муж, трое разновозрастных детей, полное отсутствие денег, счастья, которому можно было бы позавидовать, и перспектив на их появление.

Между Машкой и незамужними подругами восседал сосед. Тот самый бывший любовник, который уже с месяц вновь совершал свое бесстыжее нашествие, не приносящее счастья.

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

Сорок Вероника не отмечала. Говорят, что нельзя отмечать сорок лет, счастья не будет. Посидели в день рождения... Она, подруга Машка и Машкин фингал под правым глазом.

Сосед-любовник никак не мог определиться, на какой жилплощади ему все-таки обитать. Он то поселялся у Вероники, то возвращался к законной супруге, которая все чаще заговаривала о том, что надо бы поменять квартиру. «Шевроле-Лачетти» после аварии продали на запчасти. Шофер Вася уволился из редакции. Тоже вместе со своей «Лачетти». Так что в жизни Вероники теперь не было ни «Лачетти», ни Васи. Мужа и счастья, естественно, не было тоже.

Зато в данный исторический момент времени у нее было два любовника. Сосед, куда ж без него, и старший Машкин сын — пэтэушник с маленьким объемом мозга и большим членом, доводящим Веронику до иступления.

Задумчиво потягивая разбавленное водой каберне из высокого красивого бокала (незадолго до дня рождения Вероника окончила курсы сомелье, просто так, для души и общего развития), она со всей страстностью своей натуры горячо доказывала Машке, что в сорок лет жизнь только начинается. Она точно знала, о чем говорила. Ведь в данный исторический момент Вероника была беременна. И твердо решила, что аборт делать не будет. Ей нужно было только определиться, от кого именно она рождает. А также понять, как и на что жить дальше. Она не знала, что маховик убийства уже запущен и остается только ждать удобного случая для его свершения.

120 дней до выборов

— Его-о-о-о-ор... Ты просто невыносим...

Раздраженный голос жены глухо доносился из-за закрытой двери ванной, и, глядя в зеркало, невыспавшийся красавец и плейбой Егор Фомин тоскливо подумал, что выйти все-таки придется, ведь нельзя же торчать в ванной до бесконечности. Выйти и пережить очередной утренний скандал. Впрочем, а чего он еще ждал, вернувшись домой в три ночи?

«Она никогда меня не понимала, — думал он, с ожесточением вода по зубам щеткой (только с натуральной щетиной, остальное оставим плексу). — Она никогда меня не понимала. А сейчас уже ничего не изменишь. Разводиться теперь равносильно политическому самоубийству. Да и не хочу я разводиться. Юльку жалко».

Двенадцатилетняя Юлька была чудо как хороша. Уменьшенная копия отца — высокого плечистого красавца с холодной синью глаз, открытым взглядом и тонкими породистыми чертами лица.

Сколько Егор Фомин себя помнил, на него оборачивались на улицах. Примерно с восьмого класса оборачивались. К его ногам и в его постель укладывались абсолютно все женщины, на которых останавливался его заинтересованный взгляд. А те, на ком взгляд не останавливался, совершали чудеса изворотливости, чтобы все-таки привлечь его внимание.

Он был красив той настоящей мужской красотой, от которой у женщин любого возраста и семейного положения неизменно перехватывает дыхание. Естественно, он знал про это. Знал и беззастенчиво пользовался, шагая по жизни, как настоящий победитель. Не беря пленных. Не считая оставленных

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

позади себя жертв и не обращая внимания на многочисленные крушения чьих-то надежд.

Впервые он женился еще на первом курсе института. Его жена была совсем молоденькой девчонкой, которая глядела на него, замерев от восторга. Он женился, потому что она быстро забеременела, но изменял ей с первого и до последнего дня их семейной жизни. От того первого студенческого брака остались двое близнецов — Ромка и Вадик, которым он, естественно, помогал и которые росли красивыми и успешными пацанами. Как папа.

Он бы ни за что не развелся. Зачем, если жена на все его походы налево смотрела сквозь пальцы, понимая, что никак не может претендовать на то, чтобы таким совершенным явлением природы, как Егор Фомин, владеть единолично?

Она никогда ни в чем его не упрекала, поэтому он ни за что бы не развелся, если бы в первый и в последний раз в жизни не влюбился, как дурак. Его вторая жена была арфистка. Неземное создание из областного симфонического оркестра. Их познакомили в какой-то общей компании, и Фомин зачастил на концерты в филармонию, до которых раньше был абсолютно не охоч.

У него замирало сердце и екало в позвоночнике, когда он видел, как она охватывает арфу своими округлыми коленями, скрытыми черным классическим платьем. Член екал тоже, и каждый раз после концерта ему нужно было время на то, чтобы прийти в себя и встать с места, не шокируя окружающих.

Его второй жене было наплевать на его внешность и большие достоинства, хоть мужское, хоть финансовое и карьерное. Она снисходительно позволяла себя любить. Высмеивала его друзей и партнеров по бизнесу, которые были слишком далеки

от настоящего искусства. Категорически не хотела закабалить себя детьми и за время их семейной жизни сделала то ли два, то ли три аборта.

Он бы ни за что не развелся. Она была единственной женщиной в его жизни, которой он пытался что-то доказать. Ради нее он быстро и легко сделал карьеру. Из простого мастера стал сначала начальником цеха, потом главным инженером, а потом директором завода. Мальчик с рабочей окраины, которого мать после смерти отца тянула из последних сил, чтобы вывести в люди и дать образование, он освоил экономику, менеджмент и финансы, с красным дипломом окончил второй институт и уверенно вел свой завод, как корабль, над пучиной кризисов и под штормами рейдерских атак.

Он бы ни за что не развелся, если бы жена не ушла от него к главному дирижеру своего оркестра. Плешивому плюгавенькому мужичку в вечно помятых штанах и с неукротимым творческим огнем в глазах.

От тоски он очень быстро женился в третий раз. Почему было и не жениться? Медсестра Катя, с которой он познакомился во время обязательной диспансеризации и в тот же вечер переспал, быстро забеременела Юлькой, оказавшейся полной копией папы.

Катерина безмерно ценила его статус и финансовые возможности. Но вот его половые возможности, а также неугасимое стремление использовать их направо и налево, приводили ее в неопишемую ярость. Она была собственницей и ни в какую не хотела делиться тем, что ей принадлежит по праву, закрепленному штампом в паспорте.

Быстро вычленив слабое место в его самообороне, она шантажировала его разводом. Понимала,

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

что он ни за что не разведется. Из-за кучерявой Юльки. Впрочем, он тоже быстро понял, что она на самом деле никуда не уйдет от его больших возможностей и открывающихся для нее лично перспектив. Не работать. Ездить отдыхать за границу. Покупать тряпки в дорогих магазинах. Так они и сосуществовали, перемежая серые будни унылыми утренними скандалами.

От скуки он двинул в политику. Быстро победил на первых в своей жизни выборах в областное Законодательное собрание. Даже усилий особенно к этому прилагать не пришлось. Во-первых, потому что основу электората составляли избирательницы, которые млели под взглядом его невероятных голубых глаз с предвыборных плакатов.

А во-вторых, потому что основу его штаба составляли тоже женщины. Сподвижницы, которые днями и ночами были готовы работать на его победу, не щадя живота. Ну и низа живота тоже.

Его победа на вторых выборах была такой же быстрой и убедительной. Он и в политике сделал карьеру, оставив завод и на втором сроке заняв место заместителя председателя Законодательного собрания. Тогда ему было 37 лет. Сейчас 42. И на носу маячила перспектива третьих в его жизни выборов. Он шел на них по партийным спискам. От партии власти, разумеется. И как раз сегодня должно было решиться, под каким номером он будет включен в эти самые списки.

Точно проходными были первые пять мест. Под вопросом — еще два, максимум три. И вот под этим самым вопросом находится никто не хотел. Фомин тоже. Еще месяц назад он был уверен, что окажется в списке четвертым. После губернатора области, который, по традиции, шел паровозом и на место на

самом деле не претендовал, председателя Заксобрания Павла Шубина и его идейной соратницы, а по совместительству еще и многолетней любовницы Капитолины Георгиевны Островской.

Бывшая убежденная коммунистка, а ныне ярая активистка партии «Россия, вперед!» была немолода, одышлива, тучна и нехороша собой. Чтобы подогреть в Шубине интерес, она постоянно флиртовала и кокетничала с остальными представителями мужского пола. Выглядело это некрасиво. Омерзительно выглядело. Но Фомину, числившемуся в любимчиках у всеильной дамы, не было до этого никакого дела.

Ему в страшном сне не могло бы присниться, что Капитолина испытывает к нему какие-то иные чувства, кроме материнских. Но вот поди ж ты... Пару недель тому назад ее толстые, дряблые от целлюлита щупальца дотянулись и до него. Оставшись с Фоминым наедине, Капитолина повернула в дверях ключ, деловито разделась и столь же деловито объяснила застывшему посередине ковра Егору, что его четвертое место зависит от того, насколько хорошо он поработает членом в оставшееся до составления списков время.

Открывшаяся перспектива, равно как и лицемерие голы Капитолины, были столь отвратительны, что член работать категорически не захотел. Фомин постыдно бежал с поля боя, перепрыгивая через ступеньки и слыша позади себя истерические вопли оскорбленной в лучших чувствах Островской. Лейтмотивом в этих воплях было обидное слово «импотент».

С тех пор, приходя на работу, он то и дело наталкивался на ее ненавидящий взгляд и с тоской смотрел в будущее. С одной стороны, обойтись без него однопартийцы явно не могли. Он был фа-

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

воритом избирательной гонки, и его голубые глаза принесли бы партии больше голосов, чем любые предвыборные обещания всего остального списочного состава. Электорат-то оставался по-прежнему преимущественно женским. С другой стороны, о мстительности Капитолины слагались легенды, и несколько схаванных ею и выплюнутых не до конца переваренными жертв Фомин знал лично.

Час икс наступал сегодня, и Фомин изрядно нервничал. Бреясь, он здорово порезался, а потом дрожащими руками никак не мог унять кровь, крупными алыми пятнами пачкающую раковину. Голос жены за дверью то утихал, то вновь набирал силу, и, наконец, залепив порез на подбородке кусочком пластыря, Фомин вышел из ванной навстречу этому пронзительному голосу и сегодняшнему дню, потенциально богатому на неприятности. Он не знал, что маховик убийства уже запущен и что остановить карающую руку убийцы практически невозможно.

— Ты просто невыносима...

Лежа в кровати, Анастасия Романова щурилась от яркого августовского солнца, бившего ей в глаза из-за не полностью прикрытой шторы, и горестно думала, почему ей так не везет с мужиками.

Очередное невезение прыгало на одной ноге, пытаясь натянуть штанцы на откляченную гузку. Вообще-то лет десять назад она искренне считала, что ей жутко повезло. Тогда она, недавняя выпускница факультета журналистики, вернулась из своего МГУ и была взята в штат стремительно развивающейся газеты «Курьер». Ее стол поставили в кабинет, которым до этого момента безраздельно

владел Борис Табачник — бывший военный журналист, прошедший Афган.

В тридцатисемилетнего Табачника, хоть и был он невысок ростом, были влюблены многие редакционные красотки: рекламистки, корректорши, бухгалтерши и журналистки тоже. В силу большой разницы в возрасте и бурной личной жизни Анастасия их пылких восторгов не разделяла. С готовностью подставляла плечо, чтобы в него можно было порыдать, выслушивала бесконечные излияния отчаявшихся барышень, давала советы, как толковые, так и не очень, но сама оставалась хладнокровной. Борис стал ей просто другом и первым наставником, и добрые чувства к нему, несмотря на его мерзкий характер, она сумела пронести сквозь годы.

Из «Курьера» Табачник быстро ушел на вольные хлеба, зарабатывал на жизнь экономическими обзорами, рекламными статьями и пиар-кампаниями, но с Настасьей иногда встречался. Они пили водку на ее кухне, и под стопарик он жаловался на жизнь, жену, любовниц, обстоятельства и прочая-прочая-прочая. Настя терпела, потому что он был друг, а друзьям нужно помогать. Хотя бы тем, что внимательно их выслушиваешь.

Примерно с год назад во время очередной такой дружеской посиделки не очень трезвый Табачник неожиданно встал на колени и, хватая Настю за руки, заявил, что все эти годы любил только ее. В данное обстоятельство Настя не поверила, но все-таки поддалась соблазну. Во-первых, из-за того, что в тот момент была одна, а во-вторых, потому, что стоящего на коленях Табачника ей стало жалко.

Сейчас, год спустя, она прекрасно отдавала себе отчет, что этот роман с самого начала был ошибкой. Табачник оказался еще более жутким занудой, чем

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

она помнила по совместной работе. Бешено ревновал, но при этом не скрывал, что у него есть и другие любовницы. Постоянно жаловался на жену, но категорически не собирался с ней разводиться и, что самое страшное, по любому, самому мелкому поводу устраивал скандал со слезами, швырянием предметов, поджиманием губ и долгим, болезненным, нудным и утомительным выяснением отношений.

Настя от него ужасно уставала.

Вчера он остался у нее ночевать, и утром ее разбудил звонок его телефона. Отскочив к окну, Борис начал что-то горячо объяснять жене. Его вранье было таким неуклюжим и жалким, что Насте стало противно.

— Ты можешь, когда приходишь ко мне, отключать телефон? — попросила она, когда Табачник вернулся к ее постели.

— Зачем?

— Мне неприятно слышать твои разговоры с женой. Меня тошнит от твоего вранья. И мне не нравится, что меня разбудили, хотя я до звонка будильника могла спать еще минут сорок, — честно призналась она. Это и стало поводом для очередного скандала.

Брызгая слюной, Табачник орал, как он устал от ее постоянных претензий, как ему больно, что она никогда его не понимала, и как она, Настя, невыносима.

Щурясь от утреннего света, проникающего через щелку в шторах, Настя слушала его вопли и думала о том, почему ей не везет с мужиками.

Прооравшийся Борис натянул-таки штаны и рубашку, похлопал себя по карманам, проверяя наличие телефона и ключей от машины, и, кипя

от возмущения, отбыл из ее квартиры, напоследок шарахнув дверью.

По-бабьи вздохнув, Анастасия Романова откинула одеяло и пошлепала в ванную. Она была очень хороша собой: большая грудь, пышные бедра, а между ними тонкая талия. Ее рубенсовская красота пользовалась неизменным успехом у мужиков, 80 процентов которых, как известно, предпочитают полных женщин.

Настя же свой 52-й размер считала проклятием, вечно была собой недовольна и целыми днями сидела на диетах, чтобы вечером в отчаянном приступе голода найти в морозилке одинокую пачку заиндевевших пельменей и съесть ее, вылавливая пельмени прямо из кастрюли, причмокивая от нетерпения, радуясь, что так вкусно, и ужасаясь собственному несовершенству.

Еще у нее была длинная, толщиной с руку, коса, которую она с завидным упрямством отказывалась отрезать. Носила она только джинсы и разнообразные туники, прикрывающие ее большой размер. Лучшая подруга, тоже журналистка «Курьера» Инна Полянская, регулярно сетовала на то, что джинсы и балахоны Насти не вяжутся с ее длинной косой, да и вообще с настоящей русской красотой.

— Ты что, не видишь, что из образа вываливаешься! — кипятилась она.

— Какого образа? — вяло отмахивалась Настя.

— Такого. Если ты носишь эту дурацкую косу, то ходи в длинных юбках, которые носили кустодиевские красавицы. А если таскаешься в джинсах, отрежь свою косу, XXI век на дворе. И сними ты эти дурацкие балахоны, яви миру свою роскошную фигуру!

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

— Инка, отстань, мне в юбках неудобно. И это у тебя роскошная фигура с твоим 42-й размером, а я стесняюсь в обтягивающем ходить.

— Ну и дура! — убежденно восклицала субтильная Инна. — На твои формы у всех мужиков слюнки текут, а ты их прячешь под тряпками!

Настины формы, блестящие волосы, которые, когда она распускала косу, Ниагарским водопадом спускались до самой попы, пухлые, четко очерченные губы и большие голубые глаза действительно пользовались неизменным успехом у мужчин. Отвечая в редакции «Курьера» за «паркет», то есть официальные мероприятия властей, Анастасия Романова постоянно вращалась в кругу чиновников высокого ранга, депутатов всех уровней, политиков, как начинающих, так и со стажем. Она пользовалась благосклонностью губернатора, была на короткой ноге с мэром, называла на «ты» нескольких обитателей областного политического олимпа. У нее не было недостатка в любовниках, а список потенциальных претендентов на место в ее постели состоял из весьма влиятельных и уважаемых персон.

Тридцатипятилетняя Настя никогда не была замужем. Все ее любовные романы с честью проходили через конфетно-букетный период, на пике достигали накала страстей и неукротимо умирили в самом начале перехода на «бытовые» отношения. Настя была максималисткой, упорно делила мир на черное и белое и не признавала полутонов. Ее характеристики были такими точными, четкими и обидными, а требования, предъявляемые к мужчинам, столь непомерными, что ни один из них не оказывался готов соответствовать представлениям Анастасии Романовой о жизни.

— Господи, — хваталась за голову подруга Инна, — ты что, не понимаешь?! Женщина должна молчать и слушать. Молчать и слушать. И при этом глаза должны быть в пол. Ты опускаешь глаза в пол, Романова?

— Что за бред ты несешь?

— Это азы, блин! Если ты хочешь выйти за муж, то должна приручать мужика, как дикого зверя. Приманивать, прикармливать, выслушивать. Ты должна стать комфортной и незаменимой, как уютные домашние тапочки. Всегда быть в хорошем настроении, потому что дома у него сидит недвольная гримза. С блеском поддерживать разговор, давать советы, но очень незаметно и интеллигентно, чтобы он был уверен, что сам до этого додумался. Проявляй свой бешеный темперамент в постели, а в остальное время будь ласковой, послушной и терпимой. Ты должна быть женщиной-праздником. Ни в коем случае не напрягать, не принуждать, не нарушать комфорта. С тобой должно быть хорошо, понимаешь? Так хорошо, чтобы он понял, что ему с тобой гораздо лучше, чем с женой.

Но Настя с таким подходом не соглашалась. Ей казалось унижительным загонять кого-то в семейное стойло, используя подобные ухищрения. Она ждала и верила, что найдется человек, готовый принять ее такой, какая она есть, со всеми ее недостатками, прямолинейностью и тяжелым характером. Но он все не находился.

— С тобой, Романова, жить — это все равно что служить в армии под руководством строгого сержанта, — как-то во время редакционной пьянки сказал ей главный редактор «Курьера» Юрий Гончаров. — Упал-отжался, а если что не так, то сразу на «губу».

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

Настя тогда обиделась, но не задумалась. Хотя, по мнению подруги Инны, сравнение было точным и требующим срочного пересмотра жизненной позиции. Несмотря на тяжелый характер, подруги Настю любили. Она была верной и преданной, в любой момент подставляла плечо, давала дельные советы, не нарушала табу в отношении подружкиных мужчин и была в принципе не способна на предательство. За своих, к коим она, помимо подруг, относила еще и весь коллектив «Курьера», Настя могла «пасть порвать».

«Напиться сегодня, что ли? — мрачно думала она, лениво водя щеткой по зубам и разглядывая себя в зеркало. — Если с утра день не задался, то так наперекосяк и пойдет. Борька будет весь день звонить и трагически молчать в трубку. Потом начнутся сообщения с сентенциями о том, как я не права и как он страдает из-за моего плохого поведения. Я не стану отвечать, и он перейдет на тему своего возможного самоубийства. Чтобы я испугалась и прочувствовала всю глубину его страдания. Было в моем детстве такое кино... «В моей смерти прошу винить Клаву К.». Сюжет не помню совсем. Только название. Вот и Табачник начнет в своей смерти винить Настю Р. Фу... Как в дешевом романе. Такие, как Борька, никогда с собой не кончают. Мерзавец самовлюбленный. Все они — самовлюбленные мерзавцы!»

Выйдя из ванной, Настя налила себе кофе и закурила первую утреннюю сигарету. Настроение у нее было плохое, но никакие дурные предчувствия не терзали ее душу. Ничто не подсказывало, что маховик убийства уже запущен. И ждать его осталось совсем недолго.

— Ты невыносим...

Сергея Родионов с отвращением смотрел на свою мятую с утреннего похмелья физиономию. Как ни крути, а позволили они себе вчера с мужиками, крепко позволили. Вот сегодня с утра и башка трещит, и жена привычную шарманку завела.

Невыносим он, видите ли... Подумаешь, выпил. Он — Серега — не алкоголик какой-то. Не так часто себе и позволяет. Одноклассник с Севера приехал, впервые за шесть лет, такое дело грех не отметить было. Ну, посидели чуток, расслабились чуть больше обычного, разве ж это повод скандалить с самого утра?

«Уйти от нее, что ли? — подумал Родионов. — Сколько можно эту канитель тянуть? Хотя привык я к ней. Жизнь прошла, дети выросли. Сколько за спиной осталось...»

Тяжело вздохнув, Серега вспомнил, как дважды пытался уйти от жены, но оба раза возвращался обратно. И с ней он не мог, начинал беситься и тосковать как тетерев на току. И без нее тоже не мог — без бигудей на голове, широкоскулого лица, которым он так любовался в юности, язвительного голоса и забавной привычки во время сна заворачивать на него обе ноги. Томился он без жены и оба раза приползал обратно, скуля, как нашкодивший щенок, и униженно прося прощения.

Жена его измены и походы туда-сюда, конечно, не одобряла, но решительных действий не предпринимала. Боялась, видно, что останется совсем одна. А как жить одной бабе под полтинник? Дети взрослые, того и гляди внуки пойдут. Нет, не найти ей другого мужика.

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

Родионов знал, как отчаянно его жена боится одиночества. Этот страх заставлял ее терпеть и прощать любые выходки мужа. Пусть шляется, все мужики — кобели подзаборные, лишь бы совсем не бросил.

Помимо неизбывного кобелизма Серега никакими недостатками не страдал и для семейной жизни вполне подходил. Пил действительно редко и только по поводу. Руки не распускал. Деньги в дом отдавал до копейки. Да и зарабатывал немало.

Работа у Родионова называлась смешно: «муж на час». Иногда в порыве гнева жена утверждала, что при его любвеобильности он вполне оправдывает это название. Но Родионов лишь отмахивался от дуры-бабы. На самом деле занимался он вполне пристойным делом: вешал люстры и карнизы, чинил сантехнику, подключал стиральные и посудомоечные машины. Руки у него были золотые. Родионовская жена по хозяйству с ним горя не знала, да и зарабатывал он этими руками вполне достаточно. Если не лениться и браться за любую работу, то и без высшего образования можно себе и на телевизор новый заработать, и на Турцию с Египтом.

В Турцию Родионов пять лет назад летал со своей любовницей. А в Египет в прошлом году уже с женой. С кем ему больше понравилось отдыхать, он так и не понял, потому что из всех прелестей отдыха выбирал сначала бар на пляже, потом бар у бассейна, а потом бар в лобби. Олл инклюзив же. За все заплачено.

В общем, жизнью своей Серега был вполне доволен. Благодаря физическому труду в свои сорок восемь выглядел он значительно моложе. Был высок, достаточно подтянут, сумел сохранить шевелюру

практически не поредевшей, а лицо — открытым и мужественным.

Был он, конечно, не так красив, как его сосед, политическая шишка Егор Фомин, но тоже вполне себе ничего. Фоминская дочка, когда маленькая была, их со спины даже один раз перепутала. Играла с подружками во дворе, увидела подходящего к подъезду Серегу и напрыгнула на него сзади, повисла на плечах с громким воплем: «Папа». Метров десять на нем ехала, пока не увидела выходящего из машины Фомина. Девчонку с Сереги тогда как ветром сдуло. И ржали они с Егором потом долго, несколько лет ржали над этой историей. Егор-то мужик хороший. Простой, хоть и шишка. А что, шишки — они, почитай, тоже люди.

— Кончай гундеть, — решительно сказал Родионов жене, отгоняя неожиданные воспоминания. Поди ж ты, сколько лет прошло, а вспомнилось! Отодвинув жену в сторону, он открыл холодильник, достал банку с солеными огурцами и, сорвав крышку, припал губами к живительному рассолу, холодной струйкой потекшему в измученное за сухой горло.

На миг заломило от холода зубы, а за ними и затылок. Родионов зажмурился и замычал от удовольствия. Он не мог знать, что маховик убийства уже запущен и жить ему осталось всего ничего.

В зале, где вот-вот должна была начаться областная партийная конференция, стояла невыносимая духота. Кондиционер не работал, и Егор с тоской подумал, что сидеть два часа в этом пекле будет невыносимо.

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

Зал потихоньку наполнялся людьми, и Егор чувствовал себя ванькой-встанькой, вынужденным то и дело приподниматься со стула, здороваться, жать липкие от жары руки, раскланиваться с дамами и снова садиться.

Он нервничал, понимал, что нервничает, и сердился на себя из-за этого. Последний раз такое же мерзкое чувство, связанное с ожиданием наказания и мучительным гаданием «пронесет — не пронесет», он испытал в восьмом классе, когда директриса поймала его курящим на заднем школьном крыльце, грозилась вызвать мать и метала громы и молнии, потрясая худенькими кулачками.

Матери Егор не боялся, ему ее было невыносимо жалко. Тоже худенькую, всегда усталую, работающую на трех работах, чтобы вырастить его и еще троих сыновей. Егор был старшим, и, по-хорошему, после восьмого класса ему следовало пойти в ПТУ, чтобы быстро получить профессию и наконец-то слезть с материнской шеи. Но он хорошо учился, и мать была готова из кожи вон лезть, чтобы дать ему высшее образование.

Директриса кричала про плохую характеристику, и Егору было страшно, что из-за этой характеристики его не возьмут в 9-й класс и он пойдет в ПТУ, а мать станет плакать, и слезы потекут по ее старенькому морщинистому лицу. Матери на тот момент было тридцать пять, но она уже тогда казалась ему глубокой старухой.

Ему было страшно и стыдно, что он так боится. И чтобы победить свой страх и стыд, он ласково посмотрел на директрису, дерзко уставившись ей в лицо своими голубыми глазищами. Именно тогда он впервые осознанно попытался использовать свою красоту как щит. Он, пятнадцатилетний пацан,

смотрел на эту взрослую, неустроенную женщину жадным мужским взором, и она сбилась с высокой ноты своего гнева, засмушалась и, неожиданно погладив его сначала по голове, а потом по щеке, сказала:

«Егорушка, мальчик... Иди и больше так не делай».

Он на всю жизнь запомнил кислый привкус отчаянного стыдного страха и остро-сладкий вкус победы. И сейчас, спустя почти тридцать лет, понял, что испытывает сходные чувства. Подсознательно ожидая подобной развязки.

Конференция началась. Председатель Законодательного собрания, он же лидер партии Павел Шубин, прочитал доклад. Начались прения, в которых выступающие говорили о роли партии в истории и необходимости со всей ответственностью подойти к сложному вопросу составления списков.

Быстро утвердили первую тройку — губернатор Малоземов, сам Шубин и Капа Островская. Все предсказуемо, никаких сенсаций.

Фомин внутренне напрягся, наступал час икс. К его радостному изумлению, Капитолина не попросила слова, продолжая расслабленно сидеть в президиуме. На Фомина за все время конференции она ни разу не посмотрела. К микрофону вышел самый возрастной депутат Степан Булавин (Егор частенько размышлял, почему родители не назвали его Кондратом) и, шамкая вставной челюстью, предложил остальной списочный состав утвердить тайным голосованием.

Фомин возликовал. В открытый бой с Островской, начни она настаивать на его политическом убийстве, вступить не рискнул бы никто. А в том, что при тайном голосовании он окажется на заслу-

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

женно высоком месте, он даже не сомневался. Ну, сама Капа нагадит, да еще кто-нибудь ее поддержит, и это все. Все остальные будут за него. Хотя бы из желания показать Капе фигу в кармане.

Спустя десять минут итоги тайного голосования были подведены. В партийном списке на выборах в начале декабря политический тяжеловес, умница и красавец Егор Фомин значился под седьмым номером.

Он был повержен, убит, раздавлен. Проклятая Капитолина не сводила с него внимательного взгляда. Она проделала большую работу и была вполне довольна ее результатами и открывшейся ее взгляду картиной поверженного врага.

«Убью суку!» — с бешеной яростью подумал вдруг Егор и в отчаянном порыве рванулся к Островской, пытаясь схватить ее за жирное дряблое горло. Его, конечно, оттащили, поднялся невообразимый гвалт, в котором задыхающийся Егор слышал только высокий торжествующий хохот Капитолины, переходящий в тонкий надрывный визг.

Расталкивая толпу локтями, Фомин бросился вон из зала. Ближе всего оказался женский туалет, куда он и ворвался, на ходу срывая шелковый галстук. Три пишбарышни, потревоженные его появлением, закудахтав, выскочили в коридор. Сунув галстук в карман, Егор рванул кран и подставил голову под струю холодной воды.

Ярость от перенесенного унижения постепенно проходила, возвращая ясность мысли.

«Я этого так не оставлю, — вслух сказал Егор, поднимая голову, с которой стекала вода, и глядя в мутное зеркало. — Я вам отомщу. На коленях приползете, а поздно будет».

Закрутив кран, он вытер ладонью лицо, вышел из туалета, шараясь дверью и вновь испугав любопытных пишбарышень, дошел до своего кабинета, не отвечая на вопросы встревоженных встреченных коллег, заперся изнутри и придвинул поближе телефон.

Немного подумав, он сделал три звонка — директору крупного подшипникового завода Игорю Стрелецкому, депутату Сергею Муромцеву, не имеющему отношения к партии власти, а потому не присутствовавшему на историческом заседании, и журналистке газеты «Курьер» Насте Романовой. Всем он сказал одно и то же:

«Надо поговорить».

Из интервью Анастасии Романовой с председателем Законодательного собрания Павлом Шубиным:

— Павел Константинович, есть ли что-то в жизни, что вы категорически не приемлете?

— Измену. Она отвратительна. Ее ничто не может оправдать.

— Вы имеете в виду измену Родине?

— Я имею в виду измену как таковую. Родине, другу, жене, выбранному делу, своему призванию. Ее нельзя прощать, в том числе и самому себе. Измена — как плеть, которой сначала секут тебя, в тот момент, когда ты о ней узнаешь, а потом ты сам сечешь себя ею всю оставшуюся жизнь. Рубцы от измен никогда не проходят, поэтому их лучше не наносить.

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

— Вы так горячо об этом говорите...

— Потому что я привык страстно отстаивать свои убеждения.

— Вы говорите, как человек, которому довелось на своей шкуре испытать, что это такое.

— Нет, бог миловал. Я, знаете ли, женился в 18 лет. Мы с женой уже сорок лет вместе, и, конечно, я убежден в том, что она мне никогда не изменяла.

— А вы ей?

— Я вам уже сказал, что считаю измену отвратительной. Я всю жизнь был на виду, так что совершать отвратительные поступки не мог не только из моральных побуждений, но и из карьерных, если хотите. За такие дела можно было и партбилета лишиться.

— То есть вы блюли супружескую верность только потому, что шли вверх по карьерной лестнице?

— Не ловите меня на слове. Мы с женой сорок лет прожили душа в душу. Все эти сорок лет, с первого дня и по сей день, я всегда, возвращаясь домой, приношу ей подарок. Это традиция. Даже если это всего-навсего одна конфета, она есть у меня в кармане пиджака. Маленькие ритуалы сохраняют отношения. Так что в измене даже потребности никогда не возникало. Можете считать меня старомодным и несовременным, но это так.

Слушая Шубина, Настя знала, что он лжет. И он прекрасно понимал, что она об этом знает. Помимо многолетней, еще с молодости, связи с Капитолиной Островской, Шубин мог похвастаться изменами своей жене — расплывшейся клуше, на уме у которой были только пироги и вязание крючком, — еще и с другими женщинами. Образ мудрого, честного, чуть старомодного политика был просто нужен ему,

ЛЮДМИЛА МАРТОВА

и он лепил его, особенно не стесняясь какой-то там журналистки. Как показало время, на «конфетку жене» купился не один десяток избирательниц. Думая об этом, Настя злилась не только на саму себя, подготовившую эту «развесистую клюкву». В такие минуты она стыдилась своей профессии.

ГЛАВА 2

ОТВЕТНЫЙ ХОД

Наслаждайтесь настоящим
и меньше считайте свои деньги,
вещи, месяцы до кого-то,
годы до чего-то,
сколько возможностей упустили,
сколько людей потеряли.

Эльчин Сафарли

118 дней до выборов

Егор Фомин сидел в прохладной и стильной до какой-то особой прозрачности приемной Игоря Стрелецкого. Председатель совета директоров крупнейшего в городе завода вопреки обыкновению опаздывал. О скрупулезности Стрелецкого ходили легенды, но прошло уже полчаса с назначенного времени, а его все не было. Впрочем, он позвонил Фомину, чтобы предупредить, что задерживается, поэтому Егор был не в претензии.

Вынужденная отсрочка не злила его, а давала дополнительное время на раздумье, что было отнюдь не лишним перед решительными действиями. Егор Фомин намеревался сделать ход конем и в ответ на унижительное и оскорбительное седьмое место в партийном списке на выборах в Законодательное собрание выдвинуться на пост мэра города, выборы которого совпадали с депутатскими.

Это был не просто смелый, а отчаянный шаг. И партия власти, и губернатор области поддерживали на этих выборах действующего градоначальника Александра Варзина. Городом тот рулил уже лет десять, был в меру толст, в меру добродушен, в меру ленив и в меру сговорчив. Сферы влияния были поделены давно и успешно. К переделу никто не стремился, и Варзин был своеобразным гарантом того политического спокойствия, которое царило в городе.

Помимо других талантов, имеющих у человека, начинавшего свою карьеру инструктором райкома комсомола, у него был несомненный талант переговорщика. Представители крупного бизнеса и мелкие лавочники, депутаты и бандиты, бюджетники и журналисты всегда могли договориться между собой, если посредником выступал Варзин.

Равновесие всех устраивало, несмотря на то что зимой город засыпало снегом, который никто и не думал убирать, летом в половине жилых домов по два месяца не было горячей воды, а холодная вода круглогодично доходила до верхних этажей лишь по ночам. Детские сады при Варзине были успешно приватизированы, подростковые клубы и спортивные секции закрыты из-за нехватки финансирования, в больницы с перебоями поступали то лекарства, то продукты, а в ямах на большинстве улиц, включая центральные, везунчики оставляли колеса, а неvezунчики сразу машины.

В число таких вот неvezунчиков однажды попал даже губернатор Малоземов. Поехал по улице Преображенского, чтобы сократить путь и объехать светофоры, да и провалился на своем джипе в яму, скрытую лужей. Чтобы достать губернаторский джип, пришлось вызывать трактор, а финансы на ремонт улицы Преображенского раздосадованный губернатор пообещал заложить на будущий год в областной бюджет.

Молодой, активный, деятельный и обаятельный, Егор Фомин имел все шансы обыграть Варзина на выборах. Конечно, никто не ожидал от него такого шага, и в этом скрывалось как огромное преимущество перед потенциальным противником, так и огромный риск. Было понятно, что власть, против

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

которой он собирался действовать, встанет единым фронтом против политического выскочки.

Фомина ждала война. И для того, чтобы иметь шансы не только уцелеть, но и победить, ему нужны были неожиданные, сильные и неустрашимые союзники.

Первым накануне стал политик и бизнесмен Сергей Муромцев. На выборах он всегда играл против партии власти и всегда побеждал ее выдвиженцев. Никого по-настоящему нужного против Муромцева никогда не выдвигали, потому что переиграть его было невозможно. Имеющий богатое прошлое, в том числе и уголовное, Сергей Васильевич пиаром занимался начиная со следующего дня после победы на предыдущих выборах, был неистощим на выдумки, организовывал такие информационные поводы, что местные журналисты, рыдая, были вынуждены писать про него большие, интересные, а главное, бесплатные статьи. Он думал на несколько шагов вперед, не гнушался никакими методами борьбы, был харизматичен, любим народом и несокрушим, как скала. Неожиданное решение Фомина было ему только на руку — оно отвлекало внимание власти от самого Муромцева и увеличивало его шансы на победу на выборах в Заксобрание.

После проведенных переговоров и заключения делового соглашения Егор получал возможность пользоваться муромцевской разведкой и контрразведкой, а также вполне дельные советы по ведению собственной предвыборной кампании. В предстоящей Егору войне Муромцев был «вторым фронтом», оттягивающим силы противника.

— Денег не проси, не дам, — предостерег Сергей Васильевич в самом начале разговора. — Мне

ЛЮДМИЛА МАРТОВА

самому нужны. Выборы, знаешь ли, удовольствие дорогое.

— Не попрошу, — спокойно ответил Фомин. — Помоги делом, если можешь, а денег не надо, обойдусь.

— Богатый, что ли? — недобро ухмыльнулся Муромцев.

— Ты мое богатство знаешь.

— На кого надеешься, если не секрет?

— Пока не знаю. Но думаю, что в этом городе немало бизнесменов, которым до смерти надоел Варзин. Ни одного вопроса же не решить, все взлетит в круговой поруке!

— Н-да, есть такие, — крикнул Муромцев. — Но это те, кто договариваться не умеет.

— Ты имеешь в виду, те, кто склониться не хочет и подмять себя не дает? — уточнил Фомин.

— Да по-разному. — Муромцев вздохнул. — Есть и такие, а есть с гордыней непомерной. А гордыня — плохой советчик. Ты, кстати, это учти. Твое спонтанное решение тоже ведь гордыней продиктовано. Унизили тебя, ты отомстить захотел. А вот надо ли, Егор? Ты в списке седьмой. С учетом, что Малоземов снимется, шестой. Мест пятнадцать. То есть ты проходишь, если партия набирает 40% голосов. А она абсолютно точно их набирает, не может не набрать. Зачем тогда рисковать? Тебя ведь не на 9-е место в списке поставили, а на седьмое, абсолютно проходное. То есть не наказать решили, а так, проучить малость.

— Я что, кот нашкодивший?! — Голос Фомина зазвенел от вновь нахлынувшей ярости. — Почему в политике, заметь, Серега, большой политике, решения принимаются передком выживающей из ума бабы?! Я себя не на помойке нашел и ноги об себя

ВАКАНСИЯ ТРЕТЬЕГО МУЖА

вытирать не дам! Я последние четыре года пахал как ишак. На партию пахал, между прочим. А меня, как ты говоришь, проучить решили. Ну что ж... Посмотрим, кто кого проучит.

— Как знаешь. — Муромцев снова коротко вздохнул. — Ты не думай, я ж не против. Мне только веселее. Прикольно будет смотреть, как по тебе картечью палят. Пара выстрелов, и шкурка вся дырявая, можно макароны сливать.

— А чем моя шкурка от твоей отличается? Ты ж вон не боишься.

— Ты не сравнивай, Егор. У меня за плечами такая школа, которая тебе и не снилась. Меня пугать себе дороже. А ты у нас мальчонка интеллигентный, хлипкий то есть. Боюсь, не сдюжишь. И не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Сидя в приемной у Стрелецкого, Фомин снова прокручивал в голове этот разговор. Союзник Муромцев, конечно, ненадежный. И думать будет только о себе, и «второй фронт» откроет не вовремя, и товары по ленд-лизу поставит просроченные. Но даже ненадежный союзник лучше, чем никакой. Да и опыта политической борьбы у него хоть отбавляй.

Хлопнула дверь, и в прозрачную приемную влетел Стрелецкий. Он и в движении был так же быстр и решителен, как в бизнесе. Высокий, подтянутый, с чуть тронутыми сединами висками, Стрелецкий не был так красив, как Фомин. Приплюснутый в юношеских занятиях боксом нос и упрямая, выдвинутая вперед челюсть лишали его внешность совершенства, но огромная харизма и природный магнетизм манили к нему всех женщин без исключения.

От него исходило притягивающее чувство власти, больших денег, мужской силы, а главное — непреходящей уверенности в себе и в том, что у его ног лежит весь мир. Под взглядом его невероятных глаз, не холодно-голубых, как у Фомина, а теплых, ярко-синих, опущенных черными ресницами, хотелось начать выделывать самые невероятные вещи: станцевать сальсу, прочесть вслух сонет Шекспира в подлиннике или доказать теорему Ферма.

Однако в отличие от Фомина Стрелецкий не стремился к славе и образу жизни донжуана. Его первый, тоже еще студенческий брак некоторое время назад распался. Но многие известные городские красавицы, воспринявшие этот факт, как сигнал расправить крылышки и расчехлить орудия, остались ни с чем. На светских раутах он внимательно выслушивал любую прикишующую к нему барышню, заливал ее светом своих синих глаз, был внимателен и предупредителен, но не раздавал никаких авансов и быстро исчезал, не оставив даже надежды на продолжение знакомства.

В прошлом году он при очень романтических обстоятельствах познакомился с владелицей процветающего брачного агентства «Зимняя вишня» Алисой Стрельцовой, как и положено настоящему рыцарю, спас ее от всех врагов и увез в свой дом-замок, построенный в самом престижном городском районе «Сосновый бор»¹. С тех пор другие женщины не существовали для него так явно, что это было даже обидно. При очередной попытке флирта его взгляд делался настолько насмешливым, что барышням становилось не по себе. Любви к Алисе со стороны

¹ Подробнее читайте об этом в романе Л. Зарецкой «Приворот для Золушки».